

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ДЕТСКОЙ СКАЗКИ ВЗРОСЛЕЮЩЕЙ ДОЧЕРИ

(Разыскание сокровенного символа в образном примитиве. Экспромт.)

Подрастает доченька... вот, и в школу пошла уже, но время от времени, если родителю не хватило времени «ритуально» почитать ей что-либо перед сном, просит, как в самом раннем детстве – просит рассказать хоть что-нибудь, хоть самую крохотную сказочку, самую коротенькую... хоть что-нибудь, прежде, чем получить благословение на сон грядущий. «Ну, папа, ну хотя бы про курочку рябу». И – рассказываю уже взрослеющей своей отроковице сказку, которую в пору бы слушать в годик от роду, в два... в три... В который уж раз рассказывая одно и то же, удивившись собственным наблюдениям над столь незамысловатым, казалось бы, текстом, - попробовал предложить дочери «взрослое» прочтение этой сказки, прочтение такое, которого она, быть может, совсем не поймёт, но выслушает до конца, не отчаиваясь непониманием, не расстраиваясь непонятым... но, слушая, пробовала бы уловить какие-то высказываемые мысли, - и пусть они теперь ускользают от неё... уловить и уложить их в памяти к, быть может, позднему – когда-нибудь, когда совсем вырастет, - уяснению. Попробуем же воспроизвести теперь то, что говорилось доченьке перед сном... быть может, говорилось опрометчиво, нарочито «по-взрослому»... безо всяческой надежды быть понятым... но с утешением и радостью от возможности быть заинтересованно и внимательно услышанным. Конечно же... это вторичное, повторенное воспроизведение сказанного не будет уже столь живым, столь непосредственным, поэтичным даже и радостным... - все эти качества слова есть, конечно же, следствия стимулирования импровизации маленьким слушающим... вслушивающимся в твои слова, чутким человеком... слушающим внимательно, не перебивая, - иногда только удивляя глубокомысленными и неожиданными вопросами, осторожными по существу – замечаниями. Попробуем же повторить... Звучало же это рассказывание примерно так.

Ну, давай, доченька! Устраивайся поудобнее. Слушай же...

Жили – были дед и баба. Вот... жили и были... а зачем понадобилось в сказке повторение такое, как ты думаешь? Жили... Жили так же, как живём мы все: встаём, умываемся, чистим зубы, читаем правило, завтракаем, идём на работу. У деда с бабой были свои дела: огород, зверушки домашние, хозяйство... - и так изо дня в день, из года в год – всю жизнь свою – жили, жили... рождались, быть может, у них детки, вырастали, уходили... у деток – внуки, - это всё – жизнь. Это – жизнь. Но вступление в сказку сопровождается вторым очень важным, удивительным – дополняющим словом «были», - жили – были. То есть, жизнь деда и бабы в сказке была не просто жизнью, но жизнью – бытием, можно сказать, что бытийствовали на земле некогда два существа, - мужское начало и женское. Деятельное, делательное, энергичное, трудолюбивое и надёжное – мужское начало – «дед» - жило на земле и бытийствовало перед Богом – скажем вот так, глубоко, серьёзно, по-взрослому. Жило неотрывно, неотлучно, согласно, в совете и любви, вместе со своим другом – женщиной. И женщине были присущи иные свойства, несколько, быть может, недостающие от природы мужчине: мягкость, нежность, особенный проникновенный чувством ум, тщательное трудолюбие, заботливость и другие, очень хорошие качества. Помним, как ещё в Библии говорит Господь о том, что не хорошо человеку быть одному, - и создаёт жену для Адама, Еву. Так и живут с тех пор люди вместе мужчина и женщина. На период, о котором говорит нам сказка, эта женщина,

также, как и мужчина – уже состарилась и была полна опыта, внутренней тишины и мудрости. Она когда-то рожала детей, быть может воспитывала внуков, но все они уже выросли и наверное куда-то разъехались в свою жизнь, - и дети, и внуки, правнуки... иногда только посещали их. Но эта женщина составляла обязательную, неотрывную, неотменимую часть своего мужа, - жили они вместе и бытийствовали перед Богом во славу Господню – сообща. И в оны лета - увидел Бог, сотворив Еву, что это – хорошо... увидел... пусть и ничего не сказал Он тогда... Итак, поймём сейчас так: вне всяческих времён и сроков - жили – были дед и баба. И мы не говорим отдельно о деде – мужчине, отдельно о женщине – бабе, - они составляют единое – двуединое существо, совсем не сами по себе живут свою жизнь, бытийствуя в ней в союзе любви – так распространяется, наполняется смыслом связующее значение маленького союза «и» между ними: дед – и – баба. Жили – были.

И была у них курочка ряба. Вот посмотри: была – курочка. Мы не говорим о том, что у них «жила» курочка, - она сосуществовала с бабой и дедом именно в смысле этого бытия, о котором мы с тобой говорили... быть может вне времени распространяющегося их предстояния Богу – событийствовала с дедом и бабой их курочка. Так говорит нам сказка, если всматриваться в значения её слов. Быть может много домашних зверушек жило у этих мужчины и женщины, у деда и бабы... скорее всего – целое хозяйство. Но именно «была» с ними по слову сказки именно курочка. Почему именно курочка а не кролик, не индюшка, лошадка, коровка, не козочка даже и не барашек миленький... мы об этом не знаем. Но знаем, что курочка – точно – была. Курочка, рождающая яйца. И вот, что важно: в сказке указан цвет этой курочки, как единственный и очень важный признак, который вынесен даже и в название сказки. Курочка не какая-нибудь там пеструшка, белушка, не чернушка даже, как в любимой нашей сказке про чёрную курицу и подземных жителей. Курочка именно ряба. Что это значит? Что она была немножко чёрная и немножко – белая, чёрно-белая, рябая курица. Понимаешь, тут, как в Евангелии читаем: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого»... О лукавом мы не станем с тобой говорить сейчас, знаем только, что это – очень не хорошо. Всякие промежуточные цвета, полутона, всякие пестроты и оттенки, всяческая расширенная гамма цвета – прекрасны, достойны почтения и любования и ... даже любви... но тут немножечко не об этом в данной сказке... как совсем не об этом в евангелии. Здесь – иной и глубокий символ: курочка чёрно-белого окраса, только чёрные и белые цвета на ней... Ну, понятно, что у курочки были какие-то очень красивые радужные глазки, алый гребешочек, жёлтенькие лапки, но сама курочка была чёрно-белого цвета – ряба. Чёрный и белый... Здесь тоже символы – значения, предложенные нашему пониманию, усвоению. В едином курином птичьем естестве, - соединены два противоположных цвета. Летает ли, возносится ли над землёй эта птица? – нет, курочки не могут летать, только машут своими крылышками и кудахчут. Курица может кудахтать, нести яйца и не взлетает никогда... иной раз только ненадолго приотрётся от земли – и тут же грузно – падает. И у этой совсем земной курицы – жительницы земли, что имеет крылья но не может от земли оторваться, - у этой вот курицы – чёрно-белый цвет. Чёрный и белый. Да и Нет. Два противоположных цвета в одной курице соединены в едином курином со-бытии, - так мужское и женское начало, неотрывны и в совместном бытии деда и бабы. Вот только курочка порою – может немного подпрыгнуть над землёю, а дед с бабой – увы – никогда и никак. Но не станем же их тут сравнивать. Физически разделены

дед и баба, но составляют единое – семью. Физически – одна курочка событийствует бабе и деду, - но два цвета в ней.

И вот, - читаем же дальше: как то раз снесла курочка яичко. Не простое яичко, а золотое. Смотри-ка: как-то раз, - относится ли эта фраза к какому-либо конкретному времени, указывает ли она нам на какое-нибудь определённое явление именно в «жизни» деда и бабы? Как-то раз – и мы приобщены этой малой фразой к бытию, к вневременному состоянию в существовании этой «двоицы» - мужского и женского начал, вне всяческих времён и событий, из ниоткуда, вдруг – происходит явление чудесное: чёрно-белая курица рождает золотое яйцо! Ты представляешь ли, как из чёрно-белого естества – появляется золото. Снесла... пре-поднесла курочка яичко, да не простое яичко, а золотое. Только представь: сидит на насесте чёрно-белая курица и у неё появляется золотое яйцо. По-моему, это прежде всего, очень красиво и благо-родно: сочетание золота с чёрно-белым. Не очень-то просто... совсем не просто это сочетание цветов и ино-природного золота. Как ты думаешь, что это за яйцо? Ужели обычное, то, что можно сварить или пожарить, сделать омлет или добавить в салат, выпустить в тесто... Нет уж, - это чудесное яичко, необъяснимого содержания, неведомо, что в нём. Нам ясно лишь одно, что оно – золотое и вполне – чудесное – яйцо, преподнесённое, снесённое курицей для деда и бабы. Однако, для них ли? Тоже ведь вопрос. Курица просто так из своего чёрно-белого естества – явила золото. Кстати, заметим, быть может, случайно – совпавшее здесь, - скорее всего случайное, не имеющее никакого прямого отношения к этой сказке, – но – заметим же: эти цвета соответствуют цветам русского имперского флага... Золото в обрамлении чёрного и белого цветов, - именно золото и никак не жёлтый. Цвет вне-земного и благодатного золотого сияния – размещён между крайними формами цветовой гаммы, где уже преодолены всяческие оттенки, всяческие личные свойства тёпло-холодной гаммы – между чётным и белым цветами. «Да» – и «нет», – внеземное, чудесное золото – разделяет эти цвета, примиряет эти крайности. Пусть слишком отдалена эта связь, пусть мимолётно случайное совпадение символов, пусть никак не соприкасаются сказочные символы и времена их создания со временем исчезнувшей империи. А вдруг на уровне вне – временном, вне-житийном, на уровне бытийственности – существует некая связь, видимая отсюда, из этого мира вполне абсурдной, надуманной и смешной... Эти же цвета – цвета формы морских офицеров русского императорского флота, - заметим и это... быть может, совсем уж вдали от нашей курочки, - мундир флотского офицера составлен чёрным, белым цветом в сопровождении золота... и никак не иначе. И вот – не отрицаем того, что таинственная связь символов может существовать совершенно помимо нашего здравого смысла, помимо нашего приличия и навыка к распознаванию значений, на совсем удалённом от нас, потаённом уровне... выявляемом в сказке. Вот и видим – видимое, называя только: чёрный, белый золотой – цвета российского имперского флага... чёрный, белый, – осязаемые цвета курицы, преподносящей деду и бабе своё золотое яйцо.

Золотое яичко – перед бабой и дедом, - и разрушен естественный ход событий. Чудо ворвалось в обыденную жизнь семьи - проникло, потрясая само бытие, в глубины существования. Дед и баба – созерцают чудо, видят воочию явленное именно им! Что же делать с этим, как продолжить своё существование в виду явленного чуда... наряду с чудесным явлением. Как жить дальше при изменившемся бытии, прямо на глазах не привычных к чуду. Золото созерцаемое, чудо – явленное в яйце, которое можно потрогать... В яйце, из которого должно произойти что-то неведомое, какая-то новая, иная, чудесная жизнь, - ведь из яйца чему-то или кому-то непременно должно родиться.

Но если само яйцо чудесно, значит не менее или превыше-чудесным должно быть и родившееся из этого яйца... Причина и что произойдёт из неё... курочка – и яйцо... чудесное и сверх-чудное... Не желает этого чуда – дед. Воля и желание человека возможен перечить чудесному, увы – возможен. Чуду не подавить человеческого желания, воли... произвола человеческого не одолеть чудом. Человек может это чудо отвергнуть, не пожелать его. И не желает этого чуда дед. Или же хочет удостовериться в неведомом, проникнуть внутрь чудесного, разглядеть, что же там, внутри этой скорлупы, внутри золотой оболочки, что заглянуть этого видимого золотого естества... и – бьёт его. Причём, заметим: дед бил-бил и не разбил. Два повторяющихся слова «бил» и «бил» - дед прилагает долговременные, всей своей оставшейся мощи или немощи – усилия к тому, чтобы разрушить это яйцо... или же к тому, чтобы прекратить совершающееся на его глазах вызревающее чудо... или к тому, чтобы проникнуть в него, узнать не явленное, утаённое, - выведать то, что же содержится там, внутри, за тоненькой быть может границей скорлупы – оболочки, разузнать то, какая жизнь утаена от взора, от понимания внутри... А может быть к тому, чтобы не дать ничему новому, никакой чудесной жизни не дать проклянуться в видимое, вырасти, вывалиться, выйти из этого яйца и явить себя в полноте проявившегося живого чуда... Что на уме у этого деятельного деда? У этого произвольного неотменимого мужского начала, не желающего чуда непознанного, неведомого, торжественно золотящегося над ним. Может быть так? А быть может злые некие помыслы, чуждые и грубые идеи, внешние недобрые чувствования – вошедшие и овладевшие дедом – не позволяют деду событийствовать с проявленным чудом, продолжать дальнейшую жизнь, в котором это чудо явлено. Побуждают эти силы деда, войдя в его помышления, понукая к действию... разрушая – познаёт ли дед разрушаемое им...

Бил, бил дед! – и не разбил яйца. Чудо не просто чудесно... оно и крепко, не так уж просто разрушается и легко может устоять, оно вообще не подвластно проявлениям человеческих усилий. Человек не властен и немощен перед чудом. Не разбил дед. Не в силах человека – разрушить то, что явлено не им, извне видимого, извне мира сего... Чудо – неподвластно человеческому произволу, вне-человечно... Надо всем в мире властвует человек, но чудо вне мира сего и значит неподвластно человеку. Вне нашей жизни, вне нашего бытия – чудо, но со-бытийствует нашему бытию, соприкасаясь, остаётся неведомым по существу, проникая в наше существование – вызывает потрясение нашей человечности, наших привычных и кажущихся основательными и незыблемыми жизненных опор. Бил! Бил! – и не разбил яйца – дед.

Верный помощник деда, его визави, неотъемлемая понятливая и участливая, его лучшая половинка – его друг и жена, - «баба» - женское начало человеческого существования на земле, - продолжает неудачное дело своего мужа, «деда», усиливаясь восполнить начатое и не завершённое им. Баба била! била! – и не разбила яйца! Столь же безуспешны усилия женщины – «бабы» к тому , чтобы уничтожить, прекратить, из-быть явленное чудо или разузнать о том, что же оно, это чудо, содержит в себе или чем оно черевато, что оно сулит нам.

Отошли, вероятно, и дед и баба от золотого яйца. Отошли и наблюдают за совершившимся и совершающимся теперь – со стороны, отстранённо, извне происходящего перед ними чуда. Перед ними – чёрно-белая курица и золотое яйцо, неподвластное человеческим усилиям... неведомого и непознаваемого содержания. И тут – появляется ещё одно действующее лицо этой сказки, этой разворачивающейся перед

нами драмы соотношения чуда и обыденности, соотнесения бытия миров... Появляется мышь.

Таинственный персонаж. Вполне таинственный. Мы не знаем, какого цвета – масти этот зверёк, какого размера, обличия, каких физических сил удостоен этот герой повествования... Более того, в сказке говорится только, что это «мышка». Но мы знаем, что мышь – очень непростое существо в русских сказках, сказах. В глубинном самосознании нашего народа Мышь ассоциируется с мыслью, мышью, - знаешь ли ты, что даже слово «охотник» имеет отношение к слову мышь – мысль, «мысливец» - охотник на мышль, на мысль – на белку. Это слово «мысливец» сохранилось и распространено, используется в современном украинском говоре. «Довольно растекаться мыслию по древу», – бегать – течь стремительно, мелькая с ветки на ветку, как мышль, мышь – как мышка... - так читаем в древнем сказе – русской повести, почти былине о подвигах князя богатыря Игря, в древнем Слове об Игорево полку, – этим – начинается – зачинается «Слово» - упоминанием мысли – мышки неведомой нам и мелькающей перед нами на древе нашего укоренённого земного бытия. Итак, мысль – мышка – это некий про-мысел о совершающейся и затяжной паузе, которую мы рассматриваем, в которую вслушиваемся теперь. В паузу человеческого недоумения, в котором невозможно что-либо изменить перед свершающимся чудом... в паузу осознания бесполезности воздействия на происходящее, пусть прекрасное, но помимо человеческой воли... перед паузой, в которой, неотрывно вглядываясь в чудо, отошли дед и баба от золотого яйца... - в эту паузу, в эту лакуну, словно бы из норы неведомого – проникает мысль, как про-мысел Божий... как помysel человеческий, - или не вполне человеческий? – о происходящем событии. Как некая само-бытная идея, как некий фантом смысла... - ужели так. Из всего набора возможных интерпретаций представляется наиболее правильным и точным понимание внезапного появления мышши – мысли, как явления чудесного промысла о видимом событии – промысла Божьего на грани несовмещающихся обыденного и чудесного, - промысла, проявленного в образе мышши.

Мышка – бежала, хвостиком – махнула. Мы совсем не слышим о каком – либо особенном усилии этого зверька, о проявлении им сверх-человеческой мощи. Всё происходит очень естественно и просто. Представим себе: самый кончик тоненького мышиноного хвостика быть может коснулся... быть может – лишь тонким ветерком от его движения – повеяло на лежавшее яйцо. Мы ведь не говорим о том, что мышь хвостом – спихнула яйцо с какой-то убийственной высоты... мышка лишь махнула хвостиком. А разве может мышка бежать и не вилять при этом, не помахивать своим хвостом, - она всегда машет и виляет своим хвостиком, когда бегаёт, - она бежит и за нею телепается машущий хвостик. Так и в сказке: появляется мышль – мысль, как некая тень, машущая охвостием, - и от самого появления этой мышши – мысли – мышши, – падает и разрушается Чудо.

Яичко упало и разбилось. Явившийся промысел о Чуде – удаляет от человека, устраняет от него явление чудесного. Промыслительно – удалено чудо от человека и вновь человек – и дед, и баба – заключены, погружены во вне-чудесную обыденность, - быть может за недостаточное усилие проникнуть в чудесное, а быть может, за внеразумное дерзновение – овладеть чудом, воздействовать на него, прекратить – и восторжествовать человеческими силами, возглавлять над чудесным. Именно как противление этому человеческому помышлению, этому восстанию человеческого естества на чудо – проявляется промысел Божий, - появляется мышка, качнувшая хвостиком.

Яичко – упало и – разбилось. Заметим значительность маленькой возвратной частицы «сь» в слове: яйцо не разбито мышью, - оно словно бы - само разбило себя в падении. В этом событии собственно мышь, видимо, совершенно и ни при чём. Что мы видим далее? Каковы последствия этого разбития? Мы не видим ничего. В сказке не описаны никакие подробности произошедшего сокрушения чуда. Мы знаем только о том, что яйцо – разбило-сь, упав на глазах у деда и бабы. И что там внутри разбитого яйца? Ужели белок и желток, которые можно бы скушать? Ужели яйцо – это целостный и округлый слиток золота, расколовшийся перед людьми, и его можно бы сплавить вновь? Не думаем столь грубо и скучно. Ужели неведомое существо, золотой птенец - уже готов был родиться – и изошёл из расколовшегося яйца... Не станем фантазировать с избытком неосновательности фантазий. Неужели просто некая пустота – раскрылась взору внутри яичной скорлупы, рассыпавшейся в падении... Не дадим же обуять себя духу отчаяния, печали, беспочвенной грусти... Но мы ничего не ведаем об увиденном, но знаем лишь о слезах деда и бабы перед увиденным ими.

Плачет дед, плачет баба! Ужели от того плачут они, что увидели внутри яйца нечто неожиданное для себя... от того ли, что смели покуситься на разрушение этого чуда, что не дали себе сил к ожиданию и воздержанию от воздействия на происходящее... или плачут от того, что не смогли уберечь данное им чудо, явленное, доверенное и открытое им чудо золотого яйца из чёрно-белой курицы... Плачут ли, как рыдали праотцы о рае утраченном, - своими собственными усилиями, бездействием или деяниями неблагоприятными - привели они к отторжению от себя дарованного им чуда, недостойные – не удостоены его, не наделены им. Быть может, не бей они яйца, не усиливаясь распознать, заглянуть внутрь, расколоть это чудо, этот плод запретный и прекрасный – своим грубым действием и разумением, столь же грубым... - может, и осталось бы оно, мерцающее «смуглым золотом» на их глазах, прямо перед ними... вместе с ними... осталось бы с ними навсегда, - в неприступности – усвоенное ими, как чудо непознанного содержания и безусловной красоты. Яичко – упало и разбилось. И плачет дед, плачет баба.

К чему относится этот плач? К жизни или к бытию? Жили... были... Относится ли плач ко времени, в котором истекнут слёзы, к «жизни», в которой поплачут и перестанут рыдать, точить слезу очи их. Истекнут во времени слёзы и – закончится плач. Высохнут глаза и, быть может, просияют улыбками о ином, об ином – потускнеют печалью... успокоится или переменится жизнь в изменчивом своём потоке. Или же плач этот вне всяческого времени, вне-событийный, - относится к области «бытия» человеческого существа. В котором не уменьшится печаль, даже и разделённая ближним, -и не говорится в сказке, что плачут дед и баба. Плачут они по-раздельности, сочувствуя, но не облегчая печали друг друга, - нельзя разделив, уменьшить, облегчить тяготу печали. Неразделима и неистоцима, неизбежна никаким со-страданием ближнего скорбь в «бытии», утратившем чудо... Видится правильным, в сказке открывается последнее – говорится о плаче именно в бытии – плаче, объявшем человеческую природу деда и бабы, их неразлучный союз. В них – совокупное человечество – рыдает, утратив явленное чудо, рыдает, созерцая разбитое яйцо с явленным, оче-видным результатом случившегося низвержения.

И вновь чудесное – утешает их: человеческий голос курицы. Мы прочитываем в сказке, что не говорит им курочка, но кудахчет, - то бишь говорит на своём, птичьем, курином языке, который становится вдруг понятен и деду и бабе. То ли здесь открывается людям некий возвышенно необъяснимый способ понимания всего живого, над-человеческая способность к пониманию – как утешение в плаче, - даруется новый

коммуникативный инструмент, превышающий, преодолевающий природу естественного непонимания... вдруг раскрывается для человека некий язык общения, которым всё живое может общаться друг с другом, как в райском саду сладости, где Адам даровал, нарекал имена, усваиваемые всем живым, сотворённым к непрерывной радости существования... так и теперь, скажем, дельфин может что-то лепетать человеку и человек очень хотел бы разуместь о том, что ему так хочет поведать дельфин... но не может, увы. Не этот ли язык был внезапно раскрыт человеку в утешение неутешного плача. Или же, несколько иначе, - именно в курице открылось новое свойство, новое проявление чуда - изъяслять понимаемый голос, вразумительное кудахтанье. На своём языке, внезапно понятном и деду, и бабе - говорит - кудахчет курочка. Говорит не вздор всякий - не к изъяслению вздора, быть может, на единый миг - раскрыто это дивное свойство, - утешение выкудахтывает курочка своим хозяевам. Ведь и дед, и баба в жизненном своём положении остаются хозяевами этой курицы, - она, быть может становится проводником совсем не своего личного, но голосом Божиим, пре-поданным через её горло... дудкой Господней, про-износящей утешение в плаче: не плач дед, не плач, баба. Обращается курочка или Господь Бог - обращает Себя через посредство столь слабого и малого существа, обращает Себя к деду и бабе сообща и по отдельности к каждому. Как индивидуален, глубоко личностен и неразделим плач в о-скорбленном человеческом естестве, - так же индивидуально и личностно - утешение.

Не плач дед, не плач, баба! Но чем же она может утешить их... Чудесный голос не утешает их обещаниями и посулами нового чуда взамен разбившегося перед ними... не сулит им более ничего чудесного. Но голос чудный - выговаривает им утешение продлевающейся жизнью. Жизнь земных людей, деда и бабы - будет течь - протекать, естественно продолжаться далее. Я снесу - вам яичко другое, не золотое, а простое... Быть может, иссякает бытие в существовании этих людей, как исчезло чудо. Но продолжается - простое жительство, в котором обычная рябая курица - носит простые яйца, не искушая людей явлением чуда, невместимого ни разумом, ни естественным ходом событий. Но так важно то, что чудо - некогда было в - этой - жизни, что оно являлось людьми осталось в их памяти, осталось в рассеянных повсюду мелких скорлупочках разбитого яйца... запечатлелось дивной сказкой «Курочка Ряба», которую рассказываем всем-всем в научение, в усвоение, как самую первую удивительную историю...

Столь многое, доченька, - скрыто, но можно распознать - и просится к узнаванию в такой коротенькой и простой детской сказке. Жаль, что для этого приходится использовать непонятные «взрослые» слова, быть может, не слишком уж помогающие пониманию. И ты уж прости мне слова эти, ладно? Но смыслы сказочные вполне раскрываются детям, как и взрослым, - всем по-разному... и словами, и помимо слов. А ты поняла ли хоть что-нибудь, запомнила ли, захотелось ли над чем-то услышанным размыслить самой?.. Да ты ведь, никак, заснула... и давно уже - крепко спишь, моя радость.